

DOI: 10.15372/HSS20170211
УДК 391.2 (571.54)

Е.Ф. ФУРСОВА

СИМВОЛИКА ТРАДИЦИОННОЙ ОДЕЖДЫ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ «СВОИ/ДРУГИЕ» В СИБИРИ

Институт археологии и этнографии СО РАН
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Лаврентьева, 17

В статье, написанной по материалам традиционной одежды русских старожилов, южнорусских и украинских переселенцев в Сибири первой четверти XX в., проанализированы символические доминанты с позиции «свои/другие». Выяснилось, что носителями модных городских форм одежды являлись сибирские старожилы, которые благодаря незнанию (или утрате) старых русских одежд утратили и сокровенные смыслы ее элементов, выраженные, в частности, в орнаменте. Это опровергает распространенный образ «сибирского медведя», который сформировался под влиянием зимнего комплекса просторной меховой одежды. Одежда южных русских переселенцев, служившая многие века надежным маркером, претерпела трансформации не столько в связи с изменившимися природно-климатическими условиями, но и из-за стремления избавиться от отраженной в ней культурной идентичности, стать «своим» в сибирском сообществе.

Ключевые слова: символика традиционной одежды, символические доминанты «свои/другие», сибирские старожилы, южнорусские и украинские переселенцы.

E.F. FURSOVA

THE SYMBOLISM OF THE TRADITIONAL CLOTHING AS A MANIFESTATION OF ETHNIC AND CULTURAL IDENTITIES ‘OWN / OTHERS’ IN SIBERIA

Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS
17, Lavrent'ev av., Novosibirsk, 630090, Russia

Author of the article analyzes the symbolic dominance in traditional dress of Russian old-residents, as well as the Southern Russian and Ukrainian immigrants in Siberia in the first quarter of the twentieth century. Inclusion of clothes in all spheres of life in a traditional society (the time of the pre-industrial technology) led to a high degree of symbolism in clothing together with footwear, additions and embellishments. The study of traditional garments such as the synthesis of the diverse manifestations of popular culture was conducted in the field of ethnographic expeditions to Western Siberia, organized by more than half a century in the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS. Collected source base, on the one hand, makes it possible to reveal the question of overcoming the border, when people of different culture became “own”. On the other hand, it is possible to identify the conditions under which this border is irresistible and long preserved. South Russian and Ukrainian women who wore similar clothes, although perceived local Siberian complex with a skirt and a jacket, which was also supported by fashion at the time, but at different pace. Voronezh, Tambov, Kursk and others migrants sooner adopted common types of clothing in Siberia, while Poltava, Chernihiv and other settlers from the Ukrainian lands until the 1950s retained shirts clung (afterwards jackets), tank tops etc., but abandoned the swing types of waist dress in favor of skirts. Of the several symbols of traditional clothing of Siberian communities most resistant were embroidered shirts (‘vishivanka’), which discovered new facets of their importance, as shown by historical experience, even set the tone for fashion trends in 1920–1950s. The main motive of the refusal from the traditional clothing was the fact that it was missing among the local population – the Siberians (Chaldon). In the eyes of the settlers they looked not only secured, but also “fashionably” dressed. This refutes the widespread image of the “Siberian Bear”, which was formed under the influence of a large complex of fur garments for the winter.

Key words: symbolism of traditional garments, symbolic dominant ‘own / other’, old residents of Siberia, the Southern Russian and Ukrainian immigrants.

Елена Федоровна Фурсова – д-р. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mfl1@mail.ru.

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of SB RAS.

Традиционная одежда демонстрирует этнокультурную идентичность ярче, чем, наверное, многие другие предметы материальной культуры. И это не случайно, ведь ее производство являлось одним из видов народных домашних ремесел, а в ряде регионов мира она и сегодня остается в сфере занятий членов семьи. Еще в XIX – начале XX в. традиционная одежда русского народа была неотъемлемой составной частью системы жизнеобеспечения, семейно-брачных отношений, религиозных верований, норм и стереотипов поведения. Эта включенность во все сферы жизни традиционного общества (особенно в период индустриальной техники) обусловила высокую степень символичности одежды в комплексе с обувью, украшениями и т.п.

Исследование традиционной одежды как синтетического феномена народной культуры проводилось в ходе полевых этнографических экспедиций в Западной Сибири, организуемых в течение более полувека Институтом археологии и этнографии СО РАН. Собранная источниковая база, с одной стороны, дает возможность раскрыть некоторые аспекты преодоления границы отчуждения, когда носители разных культур становились «своими». Вместе с тем можно выявить, при каких условиях эта граница оказывалась непреодолимой и сохранялась в течение длительного времени. Материалы по старожильческому населению, северно- и южнорусским переселенцам, соседствующим с ними украинцам, белорусам могут дать толчок развитию новых направлений в научном анализе: например, выяснению содержания понятий «свой/другие», характерных разделительных и соединительных признаков, по которым «свой видит своего» и наоборот.

В начале XX в. почти все представители рассматриваемых старожильческих и переселенческих групп юга Западной Сибири определяли свою национальную идентичность как «русские» и имели конфессиональную или региональную привязку к местам исхода: «чалдоны», «кержаки», «двоеданы», «поляки», «расейские», «тамбаши», «орлы» и т.д. Цель полевых исследований заключалась в выявлении у сибирских информантов характерных элементов одежды в виде символических доминант, по которым можно определить культурную идентичность разных групп населения. В данной статье сделана попытка выявления культурных доминант традиционной одежды у старожилов-сибиряков, включая чалдонов, а также у южнорусских переселенцев начала XX в.¹ С этой целью автор не только задавала вопрос, «по каким признакам» в одежде можно сделать соответствующие выводы, но и предприняла сравнение между собой текстов – описаний традиционной одежды со слов ее непосредственных владельцев или их потомков.

¹ В данной статье не планируется рассмотрение традиций одежды старообрядцев, которые руководствовались отличными от других жителей Сибири соображениями по поводу внешнего облика, что может составить тему отдельной статьи.

Коренные сибиряки, или чалдоны, гордились своим костюмом, который, как показано многими исследователями, представлял собой сельский вариант городских фасонов [1; 2]. Путешественники не раз отмечали в своих заметках интерес сибирячек к покупным тканям, кружевам, фурнитуре и нелюбовь к домотканине, которая могла применяться практически только в рабочей одежде [3, с. 238]. Женщины-чалдонки крупных торговых сел для демонстрации своей культурной идентификации носили не просто модную одежду, но и перчатки, кружевные шали, что еще больше сближало их с городскими слоями населения (мещанство, купечество). Символом коренной сибирячки также были покупная (не домашнего производства) кожаная обувь, которую носили в праздники, наличие в гардеробе теплой межсезонной и зимней меховой одежды, наконец, валяной обуви – «пимов».

Сибирские мужчины-старожилы отличались в основном тем, что носили рубахи-«косоворотки» из покупных тканей, только рабочую одежду шили из клетчатой «пестрины». Характер вышивок мужских рубах или их отсутствие определялись локальными традициями. Приведем пример: в д. Нижний Сузун Сузунского района Новосибирской области информатор (1911 г. р.) могла детально рассказать о том, как подбирали цвета и технику вышивки: «Если синий сатин – красным вышивали, голубой – черным вышивали. Ошейник, грудь вышивали шелком голубым, красным в стебель. Нитки красные, черные – вышивали крестом». Четко написанные правила размещения вышивок, зависимость цветов и техник от ткани свидетельствуют об устоявшейся сибирской традиции. Возрастная символика проявлялась в том, что для парня приличным было иметь хорошую вышитую рубаху и тканый пояс; если эти вещи в гардеробе отсутствовали, то такой парень считался «неряхой», не пользовался у девушек авторитетом («и не парень вроде») (ПМА, 1991/2, л. 27 об.). В приведенном примере обращает на себя внимание подбор цветов, весьма далекий от универсальных цветовых сочетаний в архаических обществах, сохранившихся у славянских и других народов мира (красное, черное, белое) [4, с. 26]. Не входя в подробности всех смыслов и обозначений, связанных с этими цветами, подчеркнем лишь, что это еще один пример отступления старожилов от обще- и восточнославянских традиций в одежде.

Коренной сибиряк выделялся «присутственной» одеждой, которой считались «пинжаки» – с подкладом, стеганные на вате. Когда в 1920-х гг. распространились пиджаки городского вида, то их тоже носили поверх косовороток. Если в будни рубахи носили в комплексе со штанами общерусского покроя с узким шагом, ткаными в клетку или полоску, то по праздникам, подобно переселенцам из украинских земель, мужчины наряжались в широкие плисовые или сатиновые «шаровары» со штанинами прямого покроя. В отличие от городского покроя брюк, шаровары выкраивались широкими («как юбки») и держались на бедрах при помощи кулиски-«ошкура» или резинки. Уезжая

в город, в лес за дровами, мужчины надевали «чембары» из грубого пачесного льна. Именно чембары можно считать типичной чалдонской рабочей одеждой. «Чембары» были удобны при ходьбе по глубокому снегу, так как их натягивали поверх «пимов». В морозные дни в них же заправляли «тужурки» и даже полушубки². Вероятно, именно из-за неуклюжести такого внешнего вида сибиряки получили прозвище «сибирских медведей». Местным куражом можно считать не завязывание зимой шапок-ушанок, игнорирование на практике рукавиц, носить их местные мужчины считали ниже своего достоинства. Однако эти особенности деревенского этикета уходили на задний план во время пурги, метелей и других опасных погодных ситуаций. При посещении церкви и даже подходе к храму и перекрещивании мужчина снимал шапку. Как известно, согласно народным представлениям, обычай обнажать голову означал покорность и послушание, приведение своей воли в подчинение.

У каждой прибывавшей на поселение группы переселенцев были заметны особенности в культуре, зависевшие от мест выхода, характера поселения (компактного или рассеянного) и степени устойчивости традиций. Южнорусские переселенцы стремились «выглядеть подобающим образом», в соответствии с принятыми в сибирском регионе традициями, уделяя этому вопросу большое внимание, что отличало их от украинских крестьян, с которыми они обычно соседствовали в сибирских селах. Ориентация на соответствие местным сибирским стандартам была присуща переселенцам еще до переезда, на такое отношение к новой обстановке настраивали остававшихся на родине родственников или знакомых те, кто ранее уехал в Сибирь. В подтверждение сказанному приведем фрагмент из письма крестьянина д. Притыкина Пителенской волости Раненбургского у. Рязанской губ., переехавшего на новое место жительства в с. Катунское Бийской волости Томской губернии. Приводится описание местных традиций в одежде, даются четкие указания, как выглядеть «подобным образом»: «Бабы наряды: в платках ходят, в ковегах (?), в пальтах; сошуну³ не нужны здесь; их не носят, запанья – тоже. Юбки по две возьмите с собой, а остальные, какие получше, продавайте; башмаки свои захватывайте; аршин 5 сукна захватите из двора. Ежели намерены будете идтить, то захватывайте с собой гребенок, гребней, захватывайте свои берды. Мы, что свое взяли, довели цело... Января 8 дня 1882 года» [5, с. 189].

Многие переселенки из южнорусских губерний хорошо помнили, что матери или бабушки рассказывали о таком виде архаичной поясной одежды как «паневы», или упоминали о них, однако в настоящее время они практически не сохранились. Потомки южан могут и сегодня показать куски тканых панев, оставленных

в семьях «на память» как семейные реликвии. По всей видимости, этот вид одежды был только привезен, но не стал отличительной чертой костюма ни южнорусских, ни украинских переселенков. В ряде случаев название паневы сохранилось для обозначения черных суконных юбок (тамбовские) и даже кофт (рязанские переселенцы 1880 г.). На основе сохранившихся в музейных собраниях комплексов с сарафаном, близким к курскому, можно предположить переселение в Сибирь переселенцев-однодворцев из Курской губернии. Как вспоминали информанты, матери хранили такие красные или черные шерстяные сарафаны в сундуках и просили похоронить их в этом виде одежды.

Основным мотивом отказа от привычной одежды стал факт отсутствия ее у местного населения – сибиряков, чалдонов, которые в глазах переселенцев выглядели не только обеспеченными, но и «модно» одетыми. В отличие от старожилов, переселенцы шили не только рабочую, но и праздничную одежду из дотканого холста. В будние дни юбки носили с просторными рубахами поликового покроя с вставками на плечах (позднее кофтами), к праздникам (особенно уже в конце 1920-х гг.) старались иметь «обтяжные» кофты из покупных тканей (ситца, сатина и пр. в зависимости от достатка). Таким образом, из сообщений информантов вырисовывается общая картина подражания переселенцев местному старожильческому населению.

В 1920-х гг. вышитые рубахи довольно быстро вышли из употребления у разных групп южнорусских переселенцев, исключение составляли украинские женщины, которые перенесли традицию ярких вышивок на кофты (блузки). Обеспеченные переселенки могли надевать плисовые безрукавки «с пуговицами», совершенно не известные сибирским женщинам (тульские). Видимо, безрукавки редко носили и украинки, так как почти новыми они сохранились в семьях их потомков.

Если девичьи прически во всех группах населения, включая украинок, были сходны (одна коса), то женщины покрывали прибранные волосы по-разному: «повойниками» или «кокошниками» в виде небольших шапочек, которые крепились на голове шпильками. Интересно, что в 1920-х гг. среди молодых мужчин появилось немало противников старинных головных уборов, которые в отношении своих жен проводили политику отказа от их ношения. Поверх покрывались платками, шальями или модными кружевными «файшонками».

Мужские рубахи «косоворотки» у южнорусских крестьян выглядели искусными, они отличались яркой вышивкой, хотя в основе орнамента, как и у старожилов, лежали растительные мотивы. Если у старожилов-старообрядцев разных согласий большое значение придавалось орнаментированным тканым поясам-«опояскам», то южные переселенцы могли подпоясаться крученой веревкой или ремнем. По этим деталям, игравшим роль культурных символов, в дореволюционной сибирской деревне можно было отличить кре-

² «Тужурка» представляла собой род куртки, стеганой на шерсти (более ранние образцы) или вате (стали шить в 1950-е гг.).

³ Сошун или шушпан – вид верхней женской одежды с широкими рукавами из белого сукна или холста.

стьян – переселенцев из Воронежской, Курской, Тамбовской и других губерний.

Различия в верхней одежде касались, главным образом, конструкции, которая у южных и украинских переселенцев характеризовалась приталенностью («с перехватом»), что не было характерно для старожилов.

Важнейшим маркером в костюме жителей Сибири была обувь, прежде всего повседневная. У южан широко практиковались лапти, за что они и заслужили прозвище «лапотников». И хотя часть старожилов сами носили плетеную обувь на рыбалку или покос, тем не менее постоянное ее ношение вновь прибывшими «расейскими» вызывало у них насмешки. Особое непонимание встретила традиция носить лапти и летом и зимой, хотя бы и с войлочными чулками-«суконками». Кожаная обувь объединяла старожилов, называвших себя «чалдонами», и украинских переселенцев, не имевших плетеной обуви. Эмоциональные всплески относительно «непрестижных» лаптей выражались в большом количестве частушек на эту тему, бытовавших в начале XX в. и в 1920-х гг. Желание стать похожим на сибиряков способствовало появлению у зажиточных переселенцев кожаных «обуток» (вариант – «чирков») и обуви кустарного производства.

Выводы. Парадоксальность ситуации первой четверти XX в. в Сибири заключалась в том, что в период массового переселения с территорий Европейской России здесь столкнулись два феномена – традиции и сельской моды. При этом носителями традиции стали переселенцы из южных и юго-западных губерний, одежда которых обладала многими архаичными символами, и некоторые из них оказались весьма живучими. Более «модными» оказались старожилов: как ни странно, «сибирские медведи» вследствие незнания (или утраты) русских традиций в одежде утеряли и ее сокровенные смыслы, выраженные, кроме прочего, в орнаментации.

Исследование показало, что одежда южных русских переселенцев, служившая многие века надежным маркером, была подвергнута трансформациям не столько в связи с изменившимися природно-климатическими условиями, но и из-за стремления избавиться от отраженной в ней культурной идентичности, стать «своим». Таким образом, южнорусские очень быстро отказались от своих культурных символов в надежде на скорейшее принятие их сибирским сообществом, что впоследствии им вполне удалось. Это свидетельствует о твердом решении переселенцев адаптироваться к сибирским условиям, воспринять новые реалии жизни и быта. Со стороны южанок не было сильного желания сохранить традиции мест исхода, по которым они выделялись бы на местном фоне (паневы, черная графическая вышивка у воронежцев, безрукавки, курские сарафаны).

Южнорусские и украинские женщины, являвшиеся носительницами во многом сходных традиций в одежде, хотя и воспринимали местный сибирский комплекс с юбкой и кофтой, что также поддерживалось модными течениями времени, однако с разной степенью готовности. Воронежские, тамбовские, курские и другие переселенки быстрее переходили на общепринятые в Сибири виды одежды, в то время как полтавские, черниговские и иные выходцы с украинских земель вплоть до 1950-х гг. держались за вышитые сорочки (впоследствии кофты), безрукавки и пр., но отказались от распашных видов поясной одежды в пользу юбок. Наиболее устойчивыми из символов традиционной одежды сибирского сообщества оказались «вышиванки», которые обнаружили новые грани своего значения и, как показал исторический опыт, даже задавали тон модным тенденциям в 1920–1950-х гг. [6, с. 263–292].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардина П.Е. Быт и хозяйство русских сибиряков Томского края. Северск: Контекст, 2009. 432 с.
2. Фурсова Е.Ф. Обь-Иртышский бассейн // Русская народная одежда. Историко-этнографические очерки. М.: Индрик, 2011. С. 507–550.
3. Белявский Ф.Н. Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия: Полное географическое описание нашего отечества (Настольная и дорожная книга для русских людей). СПб., 1907. Т. XVI. С. 214–280.
4. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
5. Григорьев В.Н. Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1885. 195 с.
6. Фурсова Е.Ф. Одежда крестьян Западной Сибири в 1920-е – 1930-е годы: традиция и мода // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов: трансформации и развитие. М.: Индрик, 2016. С. 263–292.

REFERENCES

1. Bardina P.E. Life and farm of Russian Siberian in Tomsk region. Seversk: Kontekst, 2009, 432 p. (In Russ.)
2. Fursova E.F. Ob-Irtysh basin. *Russkaya narodnaya odezhda. Istoriko-ethnograficheskie ocherki*. Moscow: Indrik, 2011, pp. 507–550. (In Russ.)
3. Bielawski F.N. Distribution of the population of Western Siberia on the territory, its ethnographic composition, life and culture. *Rossiya: polnoe geograficheskoe opisaniye nashego otechestva (Nastolnaya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudej)*. St. Petersburg, 1907, vol. XVI, pp. 214–280. (In Russ.)
4. Terner B. Symbol and Ritual. Moscow: Nauka, 1983, 277 p. (In Russ.)
5. Grigoriev V.N. The resettlement of peasants of Ryazan province. Moscow: Tip. A.I. Mamontova, 1885, 195 p. (In Russ.)
6. Fursova E.F. Clothing of peasants of Western Siberia in the 1920s–1930s: the tradition and fashion. *Traditsionnaya kultura russkogo naroda v period 1920–1930-h godov: transformatsii i razvitie*. Moscow: Indrik, 2016, pp. 263–292. (In Russ.)

Статья принята редакцией 03.04.2017